

«СМЫСЛ РАБОТЫ ТЕАТРА — РАБОТА ДЛЯ ЗРИТЕЛЯ»

14 августа исполнилось 70 лет заслуженному деятелю искусств России, основателю, художественному руководителю и директору Государственного областного театра драмы и кукол «Святая крепость», почетному гражданину **Выборга Юрию Евгеньевичу Лабецкому**. Этот монолог режиссера, выявивший множество неслучайных совпадений в биографии именинника, состоялся незадолго до «круглой» даты. Получился рассказ о семье, о пути в профессию, о театре, которому отдано больше 35 лет жизни.

О СЕМЬЕ

Сегодня, когда телеиндустрия ежедневно пичкает нас ужасными семейными историями, я не устаю благодарить судьбу за потрясающе добрых родителей. У меня были

замечательные мама и папа. Мой папа — полуполяк-полулатыш из числа тех, кто оказался в СССР согласно пакту Молотова-Риббентропа. Обладая от природы поставленным баритональным тенором, он всегда был душой любой компании. В новой жизни папа быстро сориентировался и поступил в Ленинградскую консерваторию, но, будучи прагматичным человеком, решил разведать перспективы оперного певца. И тут немалую, схожую со знаменитой ролью Басова-полотера в фильме «Я шагаю по Москве», роль в жизни папы сыграл вахтер консерватории. Он весьма откровенно объяснил моему отцу, что шансов всего два — или ты будешь звездой или нет. Папа подумал и... пошел учиться в техникум на гидрографа. Решение было судьбоносным, потому что в этом техникуме произошла встреча моих родителей: ма-

Юрий Лабецкий

ма, уроженка Кронштадта, в которой тоже смешались несколько кровей — русская, шведская, еврейская, там же училась на картографа. Потом папа часто пел для нее дома, и его чистейший голос невозможно забыть. Оба играли в любительском театре. Когда началась война, оба стали военными специалистами. Отец прокладывал Дорогу жизни — шел по краю, никогда не боялся смерти. Когда блокаду прорвали, был командиром торпедного катера, прошел всю Балтику, а 8 мая, в день подписания капитуляции, оказался в Берлине. Четыре Ордена Красной Звезды, ни одного ранения и одна контузия! Его словно хранили какие-то ангелы, явно перешедшие мне по наследству.

После войны отец продолжил работу военным гидрографом: в том числе и его гидрографические замеры по всему миру легли в основу трех томов атласа мирового океана, которые до сих пор хранятся у нас в доме. А тогда мы жили там, где он служил: сначала в Свиноустье (в Польше, где я и родился), позже — в Лиенае (тогда это была Либава) и лишь потом вернулись в Ленинград. В отставку папа вышел, будучи капитаном первого ранга. Он часто ездил в командировки в Выборг — участвовал в восстановлении

Сайменского канала. Когда судьба забросила меня, уже взрослого, в Выборг, и я прошел водой по этому каналу, не представляете, какая гордость меня охватила...

С отцом мы были дружны и, помню, в нашей огромной комнате, единственной, доставшейся нам после войны от всей маминой квартиры на Гороховой, 3, комнате с высоченным потолком, все время перестраивали пространство — делали перестановки раз в полгода, строили «второй этаж», где мы жили со старшим братом, — меняли мир... С тех пор я все время что-то строю и перестраиваю: дом, дачу, театр. Из жизни папа ушел рано, в 59 лет: Синявинские болота (по трое суток в ледяной воде) бесследно не прошли. Помню, как я спрашивал его: «Папа, как вы выжили на войне?», а он отвечал мне: «Благодаря случайности и юмору».

Когда было бо-летие Победы, мы с моим другом и однокурсником актером Женей Никитиным придумали сделать спектакль по военным песням — «И на войне была любовь». И я, памятуя мамины и папины рассказы о войне, сделал постановку не пафосно-трагическую, а решил ее через улыбку, через юмор. Правоту этого решения подтвердили видевшие спектакль ветераны:

я было кинулся извиняться перед ними за «улыбчивость» поднятой военной темы, а они вдруг и говорят: «Спасибо вам. Если бы вы знали, как мы устали плакать о войне»...

О ПУТИ В ПРОФЕССИЮ И В ПРОФЕССИИ

Не могу сказать, что с пеленок мечтал играть в театре, но мама все время корила меня в детстве, что я всех и всегда передразниваю. Впрочем, участь выходца из семьи, где точные науки сплелись с искусством еще на уровне корней (мой дед по материнской линии являлся не только главным инженером Кронштадтских верфей, но и обладателем баса профундо, регентом Кронштадтского собора) была, наверное, предрешена. Да и учился я в 243-й школе, что когда-то находилась аккурат за Мариинским театром, там же пошел в театральную студию. Теперь школы этой нет, но на ее месте — новые здания театра, в котором ныне служит мой сын...

Многим я обязан Иде Исаевне Нахбо, актрисе Ленинградского Большого театра кукол (БТК), случайная встреча с которой в Закарпатье повлияла на мою жизнь в 16 лет. Отец был откровенно недоволен мо-

им профессиональным выбором, но даже когда после школы я никуда не поступил, в 1968 году вбивать гвозди я отправился в сцену БДТ, где царил кумир нашего времени — Товстоногов. Став монтировщиком, я одновременно стал и свидетелем репетиций гения. Одна из них (когда готовился спектакль «Правда, ничего кроме правды») осталась в памяти. Ставили свет, и Товстоногову понадобилась фигура в точке. «Послушайте, поставьте же там какого-нибудь человека», — озвучил просьбу в своей характерной протяжно-гнусовой манере Георгий Александрович. Я подсутился и встал в луч, максимально изобразив свободу и независимость. «Интересный мальчик, хорошо стоит», — заметил Товстоногов... Много позже, лет через 20, когда уже был открыт театр в Выборге, я напомнил ему этот случай в Ялте, на отдыхе. «Ну, так я был прав», — заметил он.

Еще сезон я отработал в БТК, потом служил в армии и только потом поступил в ЛГИТМиК, на кафедру театра кукол — к Сергею Константиновичу Жукову и Михаилу Михайловичу Королеву. Собственно, костяк будущей «Святой крепости»

сложился на курсе. Только по окончании, в 1974 году, судьба на время нас разметала: я уехал в Псков, в областной театр кукол, а ребята, мои однокурсники — во Львов. Через год и я оказался во Львове, откуда под предводительством Михаила Хусида мы все перебрались в Курган, в областной театр кукол, который мы вскоре назвали «Гулливер».

О ХАРАКТЕРЕ

Мы были детьми оттепели. Сходили с ума от Евтушенко, Рождественского, Ахмадулиной. Принимали эту свободу за константу: что чувствовали, то и говорили. Я и сейчас — не очень дипломатичный человек и тоже, как когда-то отец, «хожу по краю»: не могу сдержаться, чтобы не рубануть правду в глаза, невзирая на чины и звания. Так уж я устроен: для меня превыше всего — правда. И если бы не хранящие меня «унаследованные» ангелы (знающие люди утверждают, что у меня на каждом плече по два хранителя), за всю сказанную мною в разных кабинетах истину я мог бы уже бог знает, где оказаться...

В Кургане, где зимой замерзает само желание жить, но где в музыкальном училище нам удалось открыть театральное отделение, мы как-то в один момент вдруг стали антисоветчиками. Так уж вышло, что на Первомайскую демонстрацию мы, десять человек артистов областного театра, выпускники ЛГИТМиКа, отправились под лозунгом «Радостное искусство — детям и взрослым!» а, поскольку все были собачниками, прихватили с собой и собачек, которых несли на руках. И дернула нелегкая одну актрису на телекамеру крикнуть: «Слава советским собакам!»... Через два дня в газете «Советская культура» появилась статья о том, что в Кургане под крамольные лозунги антисоветчики натравили догов на трибуны... И только благодаря инспектору минкульта Инне Александровне Мирошниченко, знавшей нас как облупленных, мы опровергли обвинение. Но «ложки нашлись, а осадок остался»: стало понятно, что нам в Кургане не жить.

Однако оказалось, что и во Владимире, куда нас, известных в 70-е по регионально-

му фестивалю, еще раньше позвали, чтобы почти с нуля начинать театр, нам не жить. Дурные-то вести быстро распространялись тогда: пришла телеграмма с отказом в приеме во Владимире (а к нам присоединились еще и несколько выпускников открытого нами отделения). В местном комитете по культуре, в ЦК КПСС, в секторе по идеологии, куда я отправился честно рассказывать, как неблагоприятно с нами поступили, — везде нам мягко объясняли, что ничем помочь не могут... Компания наша опять рассыпалась, кто куда. Мы с Никитиным вернулись в Ленинград, жили у моей мамы на Гороховой, зарабатывали ремонтом квартир. Пока в конце 1981 года к нам не приехала Тамара Белова и не рассказала, что стоит попробовать открыть театр кукол в Выборге.

«СВЯТАЯ КРЕПОСТЬ»

Я рванул в Москву — к Мирошниченко. Горячо рассказывал ей, что «Ленинградский областной театр кукол» — скучное название. «Давайте, сделаем Большой областной или Малый театр кукол», — растекался я идеями. Мудрая Инна Александровна, вздохнув, ответила мне: «Юрочка, хоть большой, хоть малый... Лишь бы не средний». Так я стал главным режиссером в Выборге, городе, где когда-то работал мой отец.

Созывать труппу долго не пришлось: собралась наша известная, крепкая компания. Было понятно, что мы — театр-дом, театр, которым живут и в котором живут. Потом, конечно, народ прибавлялся-убавлялся, кто-то приезжал-уезжал, но принци-

пы мы никогда не меняли. Тяжело было в 90-е, после первого дефолта, когда не было денег. Своих мастерских у нас тогда еще не было, а попробуйте-ка, сделайте кукольный спектакль без финансирования: кукла в театре — одно из самых дорогостоящих «развлечений». Тогда-то мы и стали театром драмы и кукол: стали искать малобюджетные формы. Первая ласточка — спектакль «Восемь любящих женщин». Оказалось, что кукольные артисты легко и талантливо могут играть драму — Чехова, Шекспира... Так, нашего Ромео — Антона Косолапова до сих пор поклонницы вспоминают: билетов было не достать. Сейчас восстанавливаем чеховских «Трех сестер» — бесконечно любимый мной материал. Мы бережем свои старые спектакли, но и создаем новые. Я не отношусь к худрукам, которые свято берегут свое постановочное право или раздают роли по семейному принципу. Хотя моя жена, Татьяна Тушина, прикнущая к на-

шей компании в Кургане, работает в «Святой крепости». Часто у нас ставят молодые режиссеры: Кирилл Сбитнев, Денис Хусниров, Петр Васильев, Гоша Цнобиладзе... Появляются молодые актеры, к числу которых я отношу и свою дочь Арину, ученицу Михаила Самочко, порой поражающую меня своими работами.

Дружим с нашим соседом — Финляндией, где я несколько раз ставил спектакли. Область поддерживает все наши проекты — с финансированием перебоев нет. В следующем году затеваем в Выборге кукольный фестиваль «Балтийский солнцеворот», а к нему — спектакль по финской пьесе про короля Вазу, финского реформатора Агриколу и нашего Ивана Грозного. Мораль (не морализация) должна быть в любом спектакле. Иначе зачем?..

*Записала Екатерина ОМЕЦИНСКАЯ
Фото из семейного архива*